

Мальченков Станислав Александрович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры регионоведения и политологии
Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева

ВЕХОВЦЫ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ВЫБОРЕ РОССИИ

Аннотация:

Статья посвящена взглядам отечественных философов – авторов сборника «Вехи» на проблему цивилизационного выбора России между Западом и Востоком. В работе анализируются основные положения, а также сходства и различия в концепциях С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве, П.А. Новгородцева, С.Л. Франка. Автор отмечает сложность и неоднозначность воззрений веховцев, которые нельзя считать простым продолжением идей славянофилов. Важнейшими шагами на пути совершения верного цивилизационного выбора представители веховства называли отказ от копирования западных идеалов и формирование уникального российского концептуального базиса, основанного на православной религии, повышенном внимании к внутреннему миру и стремлении разрешить моральные противоречия.

Ключевые слова:

консерватизм, патриотизм, социализм, революция, интеллигенция, цивилизационный выбор, национальное сознание, «русская идея», религиозный гуманизм.

Malchenkov Stanislav Aleksandrovich

PhD in History,
Assistant Professor, Regional Studies
and Political Science Department,
Mordovian State University

THE AUTHORS OF 'VEKHI' ON THE CIVILIZATIONAL CHOICE OF RUSSIA

Summary:

This article deals with the views of the authors of "Vekhi" ("Landmarks") on the problem of Russia's civilizational choice between the East and the West. It analyzes the main ideas, as well as the similarities and differences in the concepts of S. Bulgakov, N. Berdyaev, P. Struve, P. Novgorodtsev, S. Frank. The author emphasizes the complexity and ambiguity of philosophers' ideas that cannot be interpreted as a mere development of Slavophiles' concepts. The writers of "Vekhi" believed that the most important steps of correct civilizational choice was the rejection of copying the Western ideals and the development of the unique Russian conceptual framework based on the Orthodox religion, particular attention to the inner world and the desire to resolve moral conflicts.

Keywords:

conservatism, patriotism, socialism, revolution, intelligentsia, civilizational choice, national mentality, 'Russian idea', religious humanism.

Годы, пришедшиеся на рубеж первого и второго десятилетий XX вв., стали временем резкой поляризации взглядов в среде русской интеллигенции. Эйфория, вызванная событиями революции 1905–1907 гг., стихла; стало понятно, что идея постепенного, мирного преобразования России в парламентскую монархию провалилась. В этих условиях значительная часть мыслителей заняла более радикальные позиции и стала открыто призывать к революции. Однако в эти же годы зародилось направление, которое отстаивало принципиально другой путь развития. Многие крупнейшие философы эпохи отвергли социалистические взгляды и совершили резкий поворот в сторону консерватизма. Знаковым явлением в этом плане стал выход в 1909 г. сборника «Вехи», среди авторов которого были С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Струве, С. Франк, П. Новгородцев.

Многие из веховцев пришли к консервативному мировоззрению, пройдя через увлечение левыми радикальными учениями. В этом отношении достаточно типичным был путь одного из наиболее авторитетных философов своего времени – С.Н. Булгакова, который в молодости считал себя марксистом, а впоследствии стал православным священником. В зрелом возрасте этот автор занял «неославянофильскую» позицию. Широкую известность получило высказывание Булгакова о том, что «Запад сказал уже все, что имел сказать». Весьма любопытна концепция философа о том, что идеи Маркса представляют собой простой перевод иудейских канонов на язык экономики. Булгаков признает, что социализм вполне способен привести человечество к прогрессу как к таковому, но это прогресс, который найдет проявление лишь в материальной сфере, приведет к «последнему обострению мировой трагедии» [1, с. 7]. В более поздних работах мыслителя содержится такой вывод: Первая мировая война стала окончательным доказательством того, что Россия не должна надеяться на милость со стороны Европы. Он резюмирует, что отныне «западничество умерло навсегда под ударами тевтонского кулака» [2, с. 19]. Впрочем, и восточный путь, отвергающий все традиционные политические институты и ведущий в итоге к предсказанному В.С. Соловьевым «панмонголизму», Булгаков подвергает не менее яростной критике. Он, в частности, с негодованием отмечает, что в российской государственности и общестственности сохраняется еще слишком много «татарщины».

Булгаков не сомневается, что именно наша страна станет однажды «Светом с Востока», который призван «духовно вести европейские народы». Все его труды пронизаны патриотизмом: в частности, знаменитая статья в «Вехах» призывает читателей «не малочисленствовать», а ее автор уверен, что «русская земля спасет русский народ», поскольку «по ней стопочки Богородицыны ступали» [3, с. 38]. При этом спасение не может происходить автоматически. Оно возможно лишь в условиях «православного царства», в котором восстановлено «равновесие в отношениях церкви и государства». При такой форме устройства, как считает Булгаков, могут существовать различные идеи и политические партии, поскольку православие «есть религия свободы» [4, с. 49].

Как и все авторы сборника «Вехи», Булгаков отводит огромную роль в преобразовании России деятельности интеллигенции. Он сетует, что просвещенные круги в нашей стране поражены бациллой «повального массового индифферентизма к религии» [5, с. 30]. По мнению философа, это особо остро проявилось в годы первой русской революции, когда стало очевидно, что у интеллигенции мало общего с простым народом. Радикальные мыслители левого толка не приемлют постепенного обновления, они настаивают на строительстве Нового Иерусалима «чуть ли не завтра». Общество же глухо к таким «антихристовым началам» и «самогипнозу». Булгаков утверждает, что русского человека гораздо больше, чем хитросплетения политического устройства, волнует его внутренний мир. Вот почему философ, опираясь на выдвинутую Соловьевым идею софиологии, видит основную задачу всех социальных практик в «ософииении мира, в наполнении его религиозной мудростью и красотой» [6, с. 369].

Центральной фигурой плеяды философов, громко заявивших о себе в сборнике «Вехи», несомненно, был Н.А. Бердяев, которого на протяжении многих десятилетий интересовала сущность так называемой «русской идеи». Бердяев в своих трудах опирался на цивилизационный подход и видел мировую историю как бесконечный круговорот сил добра и зла. Он не разделял точку зрения О. Шпенглера о том, что цивилизация представляет собой последнюю, итоговую стадию развития. Философ условно определял начало XX в. как «конец Новой истории и начало Нового Средневековья». Для этой эпохи характерно торжество иррационализма, закрепощение личности всевозможными коллективами, а также «встреча Востока с Западом». Бердяев приходит к выводу о том, что «дух западной цивилизации – мещанский дух», который стал «истребителем духа вечности, духа святынь», что привело к неизбежной «варваризации» [7, с. 291]. Буржуазные идеи привели к отпадению человечества от христианства, а значит, и от гуманизма, что неизбежно приведет к установлению всемирного «царства Антихриста».

Бердяев противопоставляет Россию Западу, утверждая, что «германская идея есть идея господства, русская идея – идея братства» [8, с. 108]. В то же время он не считает, что Россия уже обогнала другие цивилизации. По словам философа, наша страна представляет собой «великий и цельный Восток-Запад по замыслу Божьему и есть неудавшийся и смешанный Восток-Запад по фактическому своему состоянию». Бердяев отмечает, что русские «по своей душевной структуре народ восточный», который «в течение двух столетий подвергался влиянию Запада» [9, с. 47].

Интересна идея философа о соотношении в различных цивилизациях мужского и женского начал: так, в странах Запада «появился мужественный дух», который смог способствовать установлению дисциплины, а в России подобные процессы не произошли, поскольку «духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание». Рассуждая о «русской душе», Бердяев приходит к выводу о том, что она «ушиблена ширью» и «не видит границ», причем подобное положение не освобождает ее, а поработывает. В результате Россия отягощена «неисчислимым количеством тезисов и антитезисов» и вполне сочетает в себе консерватизм и революционность. Например, для русских никогда не было свойственно формирование «делений, классификаций, группировок по разным сферам, как у западных людей», однако отечественный социализм – «персоналистский», а не коллективистский [10, с. 109].

В трудах Бердяева много внимания отводится проблемам патриотизма и национализма. Философ считает Россию «самой нешовинистической страной в мире», однако полагает, что подобное неприятие национализма приводит у нас к тому, что «русские почти стыдятся того, что они русские». Бердяев высоко ценил патриотический подъем, охвативший российское общество в годы Первой мировой войны. Продолжая идеи Данилевского и Леонтьева, он верил в то, что захват Константинополя и Дарданелл будет первым шагом на пути «духовного синтеза Запада и Востока» [11, с. 25].

Схожие мысли высказывал еще один бывший марксист и автор сборника «Вехи» П.Б. Струве. Свою статью 1909 г. он называл «робким диагнозом пороков России» и «слабым предчувствием моральной и политической катастрофы». Революция была неизбежна в обществе, где «конституция отсутствует в жизни, в том политическом воздухе, которым дышит обыватель внутри страны» [12, с. 137]. Также Струве считал, что интеллигенция не справляется со своей особенной культурной ролью и не смогла найти единого с народом «национального сознания».

П.И. Новгородцев полагал, что «революционного вихря» в нашей стране добиваются те, для кого «Россия была лишь костром для мирового пожара». Чтобы противостоять этим силам,

граждане России должны были немедленно решить «огромной жизненной важности задачу», которая заключалась в утверждении «необходимых основ государственного бытия». Для достижения этой цели необходимо добиться «непосредственного взаимодействия власти и народа», а также «отказаться от всяких частных, групповых и партийных лозунгов». Обозначенное Новгородцевым общее дело должно было, по его мысли, «спаять воедино интеллигенцию и народ» [13, с. 203]. В противном же случае новый кровопролитный конфликт виделся ему неизбежным.

С.Л. Франк искал корни русского радикализма в истории страны. В Россию же издавна проникали западные революционные идеи, но на протяжении многих лет они не воплощались на практике, а представляли собой некий желаемый идеал. Франк называл Петра I «первым русским большевиком», утверждая, что начиная с его правления социализм стал активно проникать «в толщу народную». Философ полагал, что страны Европы получили «теократическую прививку» еще в Средние века. А вот в России пришедший из Европы социализм легко укоренился на почве теократического сознания русского народа, которому свойственна тяга к «примитивному коллективизму», проявляющемуся в нигилизме [14, с. 154]. Истинный же путь России Франк видит в торжестве консервативного мировоззрения и формировании принципиально новой формы социальной солидарности, которую он называет «соборностью».

В целом следует отметить, что при всех имеющихся различиях во взглядах веховцы сходились во мнении о том, что неудача первой русской революции была вызвана тем, что образованная часть общества поставила социальные начала выше духовных и потому оказалась в полной изоляции от народа. По мнению авторов сборника, отечественная интеллигенция заимствовала у западного общества далеко не лучшие идеи, да и те лишь «скользнули по поверхности русской души». Сущность «русской идеи» в понимании веховцев заключена внутри каждой личности, в ее связи с Богом, а потому европейские принципы материализма и атеизма простой народ нашей страны никогда не примет. Представители этого направления видели выход из духовного кризиса в отказе от нигилизма и повсеместном распространении религиозного гуманизма.

Ссылки:

1. Булгаков С.Н. Два града (исследования о природе общественных идеалов). М., 1911. 303 с.
2. Булгаков С.Н. Родина // Утро России. 1914. № 185. 5 авг.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 23–70.
4. Там же. С. 49.
5. Там же. С. 30.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1917. 416 с.
7. Бердяев Н.А. В защиту христианской свободы. Письмо в редакцию // Современные записки. 1925. № 24. С. 285–303.
8. Бердяев Н.А. Русская идея. М., 1915. 112 с.
9. Там же. С. 47.
10. Там же. С. 109.
11. Там же. С. 25.
12. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи ... С. 127–146.
13. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1918. С. 198–221.
14. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи ... С. 146–182.

References:

1. Bulgakov, SN 1911, *Two Cities (study of the nature of social ideals)*, Moscow, p. 303.
2. Bulgakov, SN 1914, 'Homeland', *Morning of Russia*, no. 185, August 5.
3. Bulgakov, SN 1909, 'The heroism and selfless devotion (of reflection on the religious nature of the Russian intelligentsia)', *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*, Moscow, pp. 23-70.
4. Bulgakov, SN 1909, 'The heroism and selfless devotion (of reflection on the religious nature of the Russian intelligentsia)', *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*, Moscow, p. 49.
5. Bulgakov, SN 1909, 'The heroism and selfless devotion (of reflection on the religious nature of the Russian intelligentsia)', *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*, Moscow, p. 30.
6. Bulgakov, SN 1917, *Unfading Light. Contemplation and meditation*, Moscow, p. 416.
7. Berdyaev, NA 1925, 'In defense of Christian freedom. Letter to the Editor', *Modern note*, no. 24, pp. 285-303.
8. Berdyaev, NA 1915, *Russian idea*, Moscow, p. 112.
9. Berdyaev, NA 1915, *Russian idea*, Moscow, p. 47.
10. Berdyaev, NA 1915, *Russian idea*, Moscow, p. 109.
11. Berdyaev, NA 1915, *Russian idea*, Moscow, p. 25.
12. Struve, PB 1909, 'Intelligentsia and the Revolution', *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*, Moscow, pp. 127-146.
13. Novgorodtcev, PI 1918, 'On the ways and objectives of the Russian intelligentsia', *Out of the depths. Collection of articles about the Russian revolution*, Moscow, pp. 198-221.
14. Frank, SL 1909, 'Ethics nihilism', *Milestones. Collection of articles about the Russian intelligentsia*, Moscow, pp. 146-182.